

Россия на фоне “растущих держав” Взгляд из ВАШИНГТОНА

ПОНАРС Евразия
Аналитическая записка № 263
Июль 2013

Айше Заракол
Кембриджский университет

С началом нового века все только и говорят о подъеме новых экономических держав, не попавших в свое время в «Первый мир».¹ Эта тема стала весьма модной после глобального финансового кризиса 2008-2009 гг., особенно болезненно сказавшегося на промышленно-развитых западных странах. Хотя не все готовы признать,² что подъем новых держав приведет к тому, что западному господству в системе международных отношений будет брошен серьезный вызов, когда речь заходит о международных отношениях и международной экономике, тема «растущих держав» занимает важное место в западном дискурсе.³ В настоящей записке рассматривается вопрос о том, как интерес к этим новым державам сказывается на восприятии России в США.

Основные кандидаты на роль чемпионов, которые догонят и обгонят США и Запад в целом, были названы еще в 2001 г. экономистом фирмы «Голдман Сакс» Джимом О'Нилом. Ими оказались Бразилия, Россия, Индия и Китай, объединенные в незабвенную аббревиатуру БРИК.⁴ Это сокращение очаровало политических мыслителей, как на Западе, так и в остальных регионах мира, до такой степени, что, начиная с 2006 г., эти четыре страны стали проводить правительственные встречи на высшем уровне, создав после 2009 г.

¹ См., например, National Intelligence Council, *Global Trends 2025: A Transformed World*, Washington, DC: U.S. Government Printing Office, 2008.

² См., например, Rushir Sharma, “Broken BRICs: Why the Rest Stopped Rising,” *Foreign Affairs*, November/December 2012.

³ По моим подсчётам, количество докладов и служебных записок на тему «растущих держав», выпущенных за последние 10 лет ведущими американскими научно-исследовательскими центрами, выросло более чем на 10.000 процентов.

⁴ Dominic Wilson and Roopa Purushothaman, “Dreaming with BRICs: The Path to 2050,” Goldman Sachs Global Economics Paper No 99, 2003.

международную квази-организацию, которая расширилась в 2010 г., приняв в свои ряды ЮАР (в результате к аббревиатуре была добавлена буква «С», сбивающая с толку русскоязычного читателя). Однако обсуждаемый в западных столицах список претендентов на роль «растущей державы» не ограничивается лишь странами БРИКС. После глобального финансового кризиса аналитики как из частных, так государственных (и, конечно же, университетских) центров изучения внешней политики, бросились вычислять следующую комбинацию «растущих держав», которые либо войдут в БРИКС, либо создадут свою собственную альтернативную группировку. Самым трудным оказалось придумать столь же эффективную аббревиатуру для новой группировки. Среди претендентов следует упомянуть ТИМБИ (Турция, Индия, Мексика, Бразилия и Индонезия)⁵, МИСТ (Мексика, Индонезия, Южная Корея и Турция) и N-11 или «Следующие одиннадцать» (Бангладеш, Египет, Индонезия, Иран, Мексика, Нигерия, Пакистан, Филиппины, Турция, Южная Корея и Вьетнам).⁶ Многие из новых претендентов также являются членами «Большой двадцатки» - G-20, в которую вошли изначальные участники «Большой семерки» - G-7 (США, Великобритания, Франция, Германия, Италия, Канада и Япония), Россия («Большая восьмерка» - G-8), а также Аргентина, Австралия, Бразилия, Китай, Индия, Индонезия, Мексика, Саудовская Аравия, ЮАР, Южная Корея, Турция и Европейский союз. «Большая двадцатка» была создана в 1999 г., но ее роль стала заметной после финансового кризиса, обрушившего почти на все страны «Большой семерки». В период, когда Европа переживала самые большие финансовые трудности, США (а также ряд европейских стран) пригласили как страны «Большой двадцатки», так и страны БРИКС принять участие в обсуждении проблем мировой экономики.

Что же следует отметить по поводу того, как обеспокоенность по поводу новых «растущих держав» отразилась на статусе России в глазах представителей политических кругов США? Если учесть, что обитатели Вашингтона известны неспособностью сосредоточить свое внимание на любой мало-мальски серьезной проблеме в течение сколько-нибудь продолжительного отрезка времени, то можно предположить, что увлечение «растущими державами» происходит за счет других традиционных политических проблем. Хорошо или плохо для России то, что вашингтонские мудрецы столь заиклены на идее подъема новых, не-западных держав? В течение прошлого года я, будучи стипендиатом Совета по внешним сношениям и международным делам, работала в Исследовательской службе Конгресса,⁷ занимаясь созданием базы данных работ, выпущенных за последние десять лет крупнейшими правительственными учреждениями и ведущими научно-исследовательскими центрами США. На основании этого исследования я

⁵ Эта идея была сформулирована Джеком Голдстоуном в статье "The Rise of the TIMBIs," *Foreign Policy*, December 2, 2011.

⁶ Как МИСТ, так и N-11 также были придуманы экономистом «Голдман Сакс» Джимом О'Нилом.

⁷ Взгляды, выраженные в настоящей записке, могут совпадать или не совпадать с точкой зрения СВСМД или ИСК. В настоящей записке не использованы никакие конфиденциальные или секретные источники.

сделала следующие выводы относительно роли, отведенной России в американском политическом дискурсе относительно «растущих держав».⁸

Сначала – хорошая новость: России все еще уделяется много внимания

Если судить по количественным показателям, нельзя сказать, что в политических кругах США не обращают внимания на Россию. По количеству написанных докладов, отчетов и записок, Россия как тема, привлекающая американских аналитиков, уступает лишь Китаю, да и то незначительно. России уделяется значительно больше внимания, чем, скажем, Ирану – серьезной проблемы с точки зрения безопасности США, к тому же, по мнению некоторых специалистов, – «растущей державе». Отчасти этот интерес к России можно объяснить зависимостью от прошлого. Если принять в расчет историю российско-американских отношений, то станет ясно, почему в США гораздо больше специалистов по России, чем по Бразилии или даже – Ирану. Второе место, которое Россия занимает в таблице о рангах американской политологии, тоже неслучайно, если учесть, что с точки зрения ВВП на душу населения, она оставила остальные страны-члены БРИКС далеко позади (правда, в плане общих показателей ВВП она отстает не только от Китая и Бразилии, но, возможно, – даже от Индии). Что же касается военных расходов, то Россия уступает лишь США и Китаю, а это является дополнительным доводом в пользу того, чтобы продолжать пристально наблюдать за Россией.

А теперь – плохая новость: Россия больше никого не возбуждает

К сожалению, после ознакомления со всем тем, что было написано о России, трудно сохранить сколько-нибудь оптимистический взгляд на перспективы России как в плане «формирующегося рынка», так и «растущей державы». Далеко в прошлом остались времена, когда Томас Фридман призывал американцев «болеть за Путина». Несмотря на то, что Россия была одной из первых стран, обозначенных как «растущая держава» нового тысячелетия, и включенных в список БРИК (а также на то, что инвестиционные фонды «Голдман Сакс», размещенные в российские акции, принесли гораздо большие доходы, нежели те, что были вложены в Бразилии и Индии),⁹ сегодня в Вашингтоне мало кто говорит о России как о «растущей державе». Вместо этого вашингтонские эксперты предпочитают сосредоточиться на Китае, либо на таких потенциально «растущих державах» как Бразилия, Индия и Турция, которые более позитивно настроены в отношении США. Собственно говоря, похоже, что вся эта суета вокруг аббревиатур (ТИМБИ, МИСТ и т.д. вместо БРИКС), вообще была затеяна только для того, чтобы вывести Россию из списка «растущих держав».

Иными словами, несмотря на то, что России посвящены горы работ, мало кто из авторов этих исследований пишет о России как о «растущей державе» или

⁸ На момент написания настоящей статьи (июнь 2013 г.)

⁹ См. Ian Salisbury, “Goldman Sachs bails on BRIC funds,” *The Wall Street Journal*, October 12, 2012.

даже о «региональной державе», что резко контрастирует на фоне того, что говорится о таких странах как Турция, хотя ее экономические и военные показатели значительно ниже российских. Тем не менее, она играет значительно бóльшую роль в воображении американских политологов как «растущая» или «региональная» держава. Если в последних аналитических работах подчеркиваются экономический потенциал Турции и ее региональная мощь, то в последних исследованиях, посвященных России, главным образом говорится о том, что она является препятствием деле проведения американской политики в отношении Сирии или Ирана. В отличие от прошлого десятилетия, практически никто не видит позитивных элементов в российской внешней политике. Вместо обсуждения роли, которую Россия играет в БРИКС, или же ее очереди председательствовать в «Большой двадцатке», мы видим анализ внутренней политики российских властей или же долгосрочных перспектив Путина. Сказав это я отнюдь не собираюсь отрицать, что Россия испытывает серьезные внутренние проблемы, или что она ставит палки в колеса американской политике на Ближнем Востоке и в других регионах. Я попросту хочу обратить внимание на то, как и на каких аспектах российской политики делают упор американские аналитики, и сравнить это с тем, какие аспекты привлекают их интерес, когда речь идет о Бразилии или Турции, которые отнюдь не решили все свои внутренние проблемы (о чем свидетельствует недавняя волна протестов, прокатившаяся по обеим странам) и еще не определились со своей региональной политикой. Повествование о «политической значимости» каждой из этих стран, примечательно не только тем, о чем в нем говорится, но и тем, что оно умалчивает.

В целом в статьях и докладах, в которых Россия противопоставляется «растущим державам», отслеживаются две тенденции: либо в них утверждается, что экономики таких стран как Мексика, Индонезия, Южная Корея и Турция (а также Бразилия и Индия) являются более динамичными, чем российская экономика; китайская, возможно, также относится к этому ряду (вопреки серьезным структурным проблемам, которая она таит в себе); либо же говорится, что сама идея формирующихся рынков раздута вне всяких пропорций, ничего на самом деле не формируется, и что ориентированные на экспорт экономики России и Китая пострадают больше всех, когда выяснится, что надежды на подъем новых держав не оправдались. Несложно заметить, что и в том и в другом случае присутствует элемент идеологически предвзятого отношения. Уверовавшие в подъем новых держав, желают, чтобы они, уподобившись США, стали демократическими и капиталистическими. Поэтому, сознательно или подсознательно, политологи рисуют оптимистические прогнозы для тех страны, которые хоть отдаленно напоминают этот идеал. Вот почему, мои коллеги, порой, с излишним энтузиазмом предсказывают, как капиталистический Китай спасет и сохранит международный порядок. С одной стороны, сегодняшняя Россия еще меньше, чем Китай, подходит на этот образ, а с другой – гораздо легче игнорировать показатели того, что осталось от российской военной и экономической мощи, нежели аналогичные китайские показатели. Таким образом,

невзирая на то, что за последнюю декаду российские политические и экономические показатели оставались приблизительно на одном и том же уровне, теперь, в отличие от первой половины нулевых, России в литературе, посвященной «растущим державам», отведена роль нелюбимого пасынка

В XIX веке, когда Османскую империю называли «больным человеком Европы», выяснилось, что представления западных политических мыслителей, сколь ошибочными они бы ни были, повлияли на реальное положение вещей в самой империи. В те времена, несмотря на то, что Россия также страдала от аналогичных внутренних проблем, ей удалось избежать унижения, которое выпало на долю Османской империи в силу ее восприятия на Западе. По иронии судьбы, Турция, похоже, пока еще не попала под огонь критики, который регулярно обрушивается на Россию за отклонения от норм демократии, за коррупцию и т.д., потому что Турцию считают «растущей державой», тогда как Россия отнесена в разряд «уходящих». Недавно по Турции прокатилась волна антиправительственных протестов, порожденных решением построить торговый центр на территории городского парка. Премьер-министр Реджеп Эрдоган ответил на это яростной критикой в типичной для него авторитарном стиле и санкционировал силовые методы, применение слезоточивого газа и пластиковых пуль против демонстрантов. В результате несколько человек погибло и многие участники протестов были арестованы. Эти события свидетельствуют о том, что у Запада были доказательства того, что Эрдоган мало чем отличается от Путина. Однако, по вышеуказанным причинам, этим фактам не придавалось значения до тех пор, пока проявления авторитарных тенденций турецкого премьера нельзя было больше игнорировать. Тем не менее, американская критика Турции и действий Эрдогана оказалась весьма сдержанной.

Это отнюдь не означает, что проблемы Турции сопоставимы с российскими, или же что критика в адрес России или Путина несправедлива. Я просто хочу сказать, что не все проблемы имеют внутренние корни, и что многое зависит от того, насколько благоприятной является международная атмосфера, а она, в свою очередь, во многом определяется восприятием той или иной страны политологами в Вашингтоне и других западных столицах. Более того, как показали в своих научных работах мои коллеги (такие как Андрей Цыганков, Вячеслав Морозов и Ивер Нойманн) и я, России, по сложившейся веками традиции, глубоко небезразлично, как ее воспринимают на Западе. Россия может пережить тот факт, что США видят ее в негативном свете, до тех пор, пока к ней всерьез относятся как к мировой державе. Это также наводит на мысль о том, что шумиха по поводу недавнего шпионского скандала более предпочтительна для российского руководства, нежели полное игнорирование его значения. Если история может нас чему-то научить, то следует помнить, что Россия не сможет смириться с тем, что на Западе с ней не считаются, либо с тем, что она оказалась в тени других держав, особенно, если они не являются западными. Пока этого не произошло, но учитывая курс «переориентации на Азию» и другие тенденции в

США, вопрос следует сформулировать как «когда», а не «если». Маловероятно, что нам понравится российская реакция на такой поворот событий.

Elliott School of International Affairs

THE GEORGE WASHINGTON UNIVERSITY

PONARS ● NEW APPROACHES
E U R A S I A ● TO RESEARCH AND
● SECURITY IN EURASIA

© PONARS Eurasia 2012. Данный текст основан на аналитической записке на английском языке с тем же номером. ПОНАРС Евразия представляет собой международную сеть ученых, разрабатывающих новые подходы к изучению проблем внутренней и внешней политики, безопасности и сотрудничества в России и Евразии. ПОНАРС Евразия базируется в [Институте исследований Европы, России и Евразии \(IERES\)](#) Школы международных отношений им. Эллиотта Университета Джорджа Вашингтона. Публикация осуществлена при поддержке грантов Корпорации Карнеги в Нью-Йорке и Фонда Джона Д. и Кэтрин Макартуров. www.ponarseurasia.org